IV.

ОЧЕРКЪ ТЕОРІИ ЗНАНІЯ ШОПЕНГАУЕРА.

РѢЧЬ

В. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

149
17-92.

B
3148

Es ist ein Vorurtheil, vermöge dessen man in der Einheit eines Buches die Einheit seines Inhaltes zu erwarten, ja als eine nothwendige vorauszusetzen pflegt. Dass ein ernsthafter Autor sie *erstrebt* habe, ist zwar durchaus wahrscheinlich; aber die wirkliche Leistung ist nur zum Theil von diesem Wunsche und Willen abhängig; in höherem Grade wird sie beherrscht durch den jedesmaligen Zustand des wirklichen Verlaufs der Gedanken, und dieser zieht seine Nahrung aus tausend Quellen; wenn eine neue Strömung hinzukommt und die frühere zu zwingen trachtet, so geben doch diese ihre Richtungen und ihre Momente nicht ohne Widerstand auf und bleiben in der resultirenden Linie als Tendenzen verharrend; jener Wille zur Harmonisirung ist aber nur eine Tendenz unter den vielen.

F. Tönnies. Studie zur Entwickelungsgeschichte des Spinoza [Viert. f. wiss. Philos., VII (1883), 2—3; p. 355].

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1220
27

Очеркъ теоріи знанія Шопенгауера.

1. Взглядъ Шопенгауера на послѣ-Кантовскую философію и на свое положеніе.—2. Теорія знанія Канта по Шопенгауеру.—3. Внѣшній ходъ зарожденія теоріи знанія самого Шопенгауера.—4. Изложеніе ея.—5. Двусторонняя проблема Канта. критика знанія, независимая отъ метафизики и психологіи.—6. Отношеніе Шопенгауера къ первой половинѣ проблемы: законъ причинности, окказіонализмъ, магія.—7. Отношеніе Шопенгауера ко второй половинѣ проблемы: психологія, физіологія —8. Рѣшеніе Кантовой проблемы у Шопенгауера: роль идеализма у Канта и Шопенгауера.—9. Заключеніе.

1. Совершенное произведеніе дѣйствительно великаго ума всегда будетъ оказывать глубоко-проникающее вліяніе на весь родъ человѣческій. Но вліяніе это не можетъ наступить сразу, вслѣдствіе далекаго разстоянія, которое отдѣляетъ генія отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Истина, которую онъ одинъ добылъ и готовою передалъ другимъ, не можетъ тотчасъ же сдѣлаться собственностью всего человѣчества, ибо оно не имѣетъ такой силы для того, чтобы принимать, какую онъ имѣетъ для того, чтобы давать. И даже выдержавши борьбу съ недостойными противниками, которые, какъ змѣи у

колыбели Геркулеса, посягаютъ на ея жизнь при самомъ ея рожденіи, истина эта должна потомъ блуждать по окольнымъ путямъ ложныхъ толкованій, неправильныхъ примѣненій, должна пережить попытки слянія со старыми заблужденіями,—жить, однимъ словомъ, въ непрестанной борьбѣ. Такъ медленно идетъ воспитаніе человѣческаго рода — слабаго, но упрямаго питомца генія.—Такъ писалъ Шопенгауеръ [1]) о судьбѣ философіи Канта у ея современниковъ и преемниковъ. Всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что на ту эпоху германской мысли, которая отмѣчается именами Фихте, Шеллинга и Гегеля, Шопенгауеръ смотрѣлъ какъ на исторію непрерывнаго грѣхопаденія, въ которомъ погрязла философія, отпавши отъ Канта, и искупить которое она могла только воротившись къ Канту. „Истинная и серьезная философія,—говорилъ Шопенгауеръ,—стоитъ еще на томъ мѣстѣ, гдѣ ее оставилъ Кантъ; я, во всякомъ случаѣ, не признаю, чтобы что-нибудь было сдѣлано въ философіи между нимъ и мною; поэтому я непосредственно примыкаю къ нему“ [2]).

Говоря объ участи Канта, Шопенгауеръ вѣрно угадалъ то историческое обыкновеніе,—пожалуй даже историческій законъ,— которому подлежитъ человѣческая *мысль* въ своемъ развитіи и распространеніи изъ рукъ въ руки: и исторія *философіи* представляетъ, быть можетъ, лучшее подтвержденіе этого замѣчанія Шопенгауера. Но, высказывая его, Шопенгауеръ, вѣроятно,

---

1) Werke, II, 491—492.

2) Ibid, 493.

и не подозрѣвалъ, что и онъ самъ, и именно въ своемъ отношеніи къ Канту, составляетъ любопытную иллюстрацію той самой исторической необходимости, которую онъ такъ ясно узналъ и такъ краснорѣчиво выразилъ. Считая себя правовѣрнымъ кантіанцемъ по духу, призваннымъ возстановить авторитетъ критики Канта и дать ей непосредственное развитіе, Шопенгауеръ не замѣчалъ, что и въ его системѣ философія Канта пошла по тѣмъ же „окольнымъ путямъ“ и подверглась тѣмъ же вліяніямъ старыхъ привычекъ мысли, какъ и у другихъ эпигоновъ Канта,—однимъ словомъ, что и онъ самъ принадлежитъ вмѣстѣ съ ними къ одной и той же исторической группѣ. Показать это по отношенію къ теоріи знанія Шопенгауера и составляетъ мою задачу.

2. По Шопенгауеру, величайшая заслуга Канта состоитъ въ томъ, что онъ установилъ различіе вещи въ себѣ и явленія, показавши, что между вещами и нами лежитъ еще нашъ умъ, почему мы и познаемъ вещи не такъ, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ. Нашъ объективный міръ, въ томъ видѣ, какъ мы познаемъ его, не есть *настоящій* міръ вещей въ себѣ, но лишь *явленіе* этого другаго міра, обусловленное формами, лежащими въ нашемъ познаніи прежде всякаго опыта; потому кромѣ *явленій* ничего не можетъ быть въ нашемъ мірѣ. Уже Локкъ показалъ, что цѣлый рядъ свойствъ, которыя мы приписываемъ вещамъ, — ихъ цвѣтъ, запахъ, твердость и т. п.,—въ дѣйствительности принадлежатъ лишь нашимъ чувствамъ; но Локкъ оста-

новился на полдорогѣ, ибо всѣ такъ называемыя первичныя свойства тѣлъ, т.-е. протяженіе, форму, число и др., онъ считалъ свойствами самихъ вещей, принадлежащими самимъ вещамъ. И вотъ Кантъ объявляетъ, что и *эти* свойства принадлежатъ только *явленію* вещей въ нашей познавательной способности, ибо условія этихъ свойствъ,—пространство, время и причинность,—суть только формы нашего познанія [3]). Оказалось, такимъ образомъ, что весь нашъ здѣшній міръ, т.-е. время и пространство, и все, что ихъ наполняетъ и располагается въ нихъ по закону причинности, что все это только сонъ, безъ постоянства, безъ сущности [4]). Еще Платонъ неустанно повторялъ, что этотъ, являющійся нашимъ чувствамъ міръ не имѣетъ истиннаго бытія, что онъ есть лишь непрестанное бываніе, лишь тѣнь настоящихъ вещей; то же говорятъ и священныя книги индусовъ. этотъ видимый міръ, въ которомъ мы живемъ,—покрывало Майи, окутывающее наше сознаніе, волшебный призракъ, сонъ и иллюзія. И вотъ Кантъ, совлекая миѳическій покровъ съ этого ученія, высказываетъ его въ новомъ и оригинальномъ видѣ, и

---

3) W. W. II, 494—495, 499. Отношеніе Канта къ Локку Шопенгауеръ часто выражаетъ слѣд краткою формулой: Локкъ отнялъ отъ вещей то, что вносится нашими чувствами, а Кантъ—то, что вносится функціями Intellekt'a или мозга. II, 495; III, 14; IV, 33. Шопенгауеръ постоянно сопоставляетъ Локка съ Кантомъ, полагая, что ни задачи, ни пріемы ихъ рѣшенія не отличаются въ философіи того и другаго, а различаются только результаты, ибо Кантъ пошелъ дальше Локка. Ср. также W. W. I, 118 (Vierf. W. § 34).

4) W. W. II, 503.

не только высказываетъ, но и возводитъ въ доказанную и несомнѣнную истину. Достигаетъ онъ этого, съ удивительнымъ искусствомъ разлагая на части весь хитрый механизмъ (Maschinerie) нашей познавательной способности, посредствомъ котораго происходитъ вся фантасмагорія объективнаго міра [5]). Отправляясь изъ безспорныхъ фактовъ сознанія [6]), путемъ чистаго наблюденія того, что дается въ сознании [7]), Кантъ доказалъ, что пространство и время сами по себѣ не существуютъ, а суть только формы нашего созерцанія, что весь порядокъ міра, всѣ его вѣчные законы, всѣ эти veritates aeternae, на которыхъ покоилась старая философія, — все это только дѣло нашего разсудка и его формъ—категорій [8]). А разъ эти законы, стало быть, и весь міръ, обусловлены субъектомъ, то чего бы мы ни искали, что́ бы ни заключали путемъ этихъ законовъ, мы не сдѣлаемъ ни одного шага впередъ къ самому главному — къ знанію сущности міра независимо отъ нашего сознанія, а будемъ только вертѣться, какъ

---

5) W. W. II, 496—497.

6) II, 529.

7) II, 532, 534.

8) Такая философія, которая отправляется не отъ вещей, а отъ сознанія вещей, и есть критическая или трансцендентальная философія, въ отличіе отъ догматической. II, 498; VI, 9—10 (Par., II, § 10). Ср. III, 307—308; V, 87—88 (Parerga I, Noch einige Erlauterungen zur Kantischen Philosophie). Шопенгауеръ здѣсь замѣтно *упрощаетъ* значеніе одного изъ самыхъ любопытныхъ и загадочныхъ терминовъ Канта.

бѣлка въ колесѣ [9]).—Такъ представляетъ себѣ Шопенгауеръ философію Канта.

3. Но—kein Lotus ohne Stengel [10])—нѣтъ розы безъ шиповъ. Далеко не всѣ части критики Канта одинаково удовлетворяютъ Шопенгауера. Насколько ясна, убѣдительна и безспорна Кантова трансцендентальная эстетика [11]), т.-е. ученіе о чистыхъ формахъ созерцанія, пространствѣ и времени, настолько же сложна, спутана, темна и искусственна его трансцендентальная логика, со всѣмъ этимъ громоздкимъ аппаратомъ 12 категорій, трансцендентальнымъ синтезомъ воображенія, внутреннимъ чувствомъ, трансцендентальнымъ единствомъ апперцепціи, схематизмомъ чистыхъ понятій разсудка и т. под. приспособленіями [12]). Да и вообще, при всемъ глубокомъ уваженіи къ Канту, Шопенгауеръ находитъ, что его критика слишкомъ сложна и искусственна, что въ ней много лишняго и насильственнаго, но за то много недомолвокъ [13]), что при внѣшней сим-

---

9) II, 498.

10) II, 517.

11) II, 518

12) II, 523.

13) Сущность возраженій Шопенгауера направлена, главнымъ образомъ, на 2 пункта: вопервыхъ, Кантъ не объясняетъ откуда берется *содержаніе* созерцаній, а ограничивается ничего не значущимъ утвержденіемъ, что оно—„gegeben“ (II, 519). Здѣсь Шопенгауеръ безспорно затрогиваетъ одинъ изъ неясныхъ пунктовъ критики Канта, и всѣ попытки Cohen'a показать, что „gegeben“ означаетъ лишь *особое* отношеніе къ опыту, сравнительно съ мышленіемъ, не вполнѣ удовлетворительны (см. *H. Cohen*: Kants Th der Erfahr., 2.

метрической правильности ей недостаетъ настоящаго внутренняго единства. Такимъ образомъ, необходимо, оставаясь вѣрнымъ основнымъ положеніямъ и духу Критики, *упростить* [13*]) и *объединить* ее. Нѣтъ сомнѣнія, здѣсь сказалась, между прочимъ, и эстетическая натура Шопенгауера: онъ смотрѣлъ на критику Канта, какъ древній грекъ съ своимъ пластическимъ чутьемъ по-

---

Aufl. 185, 159, 165).—Во-вторыхъ, Кантъ смѣшиваетъ созерцательныя представленія съ отвлеченными (II, 520—523). Здѣсь Шопенгауеръ несправедливъ къ Канту. Ср. *E. Laas*: Kants Analogien d. Erf Anm. 247 (p. 317), *H. Cohen*, о с., 358—364. Въ 3-мъ пунктѣ, незаконномъ выводѣ вещи въ себѣ, Шопенгауеръ формулируетъ чуть ли не общее возраженіе всѣхъ современниковъ Канта. Оно тѣсно связано съ первымъ пунктомъ.—По поводу разныхъ частей механизма Критики Шоп даетъ замѣчательно остроумное (хотя исторически невѣрное) объясненія генезиса Критики чистаго разума. W. W. II, 531—535

[13*]) Было бы весьма любопытно произвести подробное сопоставленіе *отдѣльныхъ положеній* философіи Шопенгауера съ соотвѣтствующими имъ *по буквѣ* положеніями Канта. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ у Шопенгауера замѣтна тенденція къ болѣе *популярному* пониманію Канта (ср. ниже примѣчаніе 55*). Это особенно ясно сказывается на томъ смыслѣ, который Шоп. придаетъ *терминамъ* Канта, и сравненіе терминологіи того и другого представило бы любопытную страницу изъ исторіи философской терминологіи. Выше, примѣч 8, мы указали на одинъ примѣръ—*transscendental*; укажемъ еще на *Realitat* (objective), и особенно на *Erfahrung* (напр. W. W. II, 525, 527), все это коренные термины Канта, которые у Шоп. совсѣмъ измѣнили свое значеніе. — Основное положеніе Канта: die Bedingungen der *Moglichkeit der Erfahrung* uberhaupt sind zugleich Bedingungen der *Möglichkeit der Gegenstande der Erfahrung* (Kehrbach 156)—врядъ ли имѣетъ какой-нибудь смыслъ при Шопенгауеровскомъ смыслѣ Erfahrung.

смотрѣлъ бы на громоздкую и вычурную готику.—И вотъ подъ вліяніемъ этихъ мотивовъ, Шопенгауеръ предпринимаетъ *упрощеніе* критики Канта, покидаетъ его теорію синтетическаго единства самосознанія [14]) со всѣми ея побочными приспособленіями, „выбрасываетъ за окно“ [15]) цѣлыхъ 11 категорій и оставляетъ только одну—категорію причинности. Такимъ образомъ, изъ всего сложнаго механизма Кантовской теоріи знанія сохранились только чистыя формы созерцанія — пространство и время, и одна категорія—причинности. Свести эти апріорныя формы воедино уже не представляло затрудненія: онѣ, какъ оказывается, суть лишь различные виды и развѣтвленія одного и того же кореннаго начала, именно—*закона достаточнаго основанія*. Но такъ какъ *всѣ* виды этого закона ими еще не исчерпываются, то нужно дополнить недостающее.—Тутъ мы уже стоимъ на порогѣ теоріи знанія самого Шопенгауера.

4. Удивительно,—замѣчаетъ Шопенгауеръ,—почему Канту не пришло въ голову вывести лишь *относительное* существованіе явленія изъ простой, столь близко лежащей, непререкаемой истины. „нѣтъ объекта безъ субъекта“; почему Кантъ не показалъ, что объектъ, существуя лишь въ отношеніи къ субъекту, въ самомъ корнѣ зависитъ отъ этого послѣдняго, обусловленъ имъ, а потому есть только явленіе, существующее не

---

[14]) II, 535.

[15]) II, 531

само въ себѣ, не безусловно [16]). Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, всѣ наши представленія суть объекты для субъекта, а всѣ объекты субъекта суть наши представленія [17]). Теперь всѣ наши представленія находятся между собой въ закономѣрной связи, которую мы сами вносимъ въ нихъ независимо отъ всякаго опыта; въ силу этой связи ничто, существующее отдѣльно, оторванно и независимо, не можетъ стать для насъ объектомъ, представленіемъ. Вотъ эта-то связь между предметами нашего знанія и есть ничто иное, какъ законъ достаточнаго основанія [18]), и онъ поэтому есть единое и верховное начало нашего знанія [19]).—Но при всемъ своемъ коренномъ единствѣ законъ основанія развѣтвляется на 4 вида; потому и всѣ наши объекты распадаются на 4 класса, сообразно съ тѣмъ видомъ закона основанія, который господствуетъ въ каждомъ классѣ [20]) *Первый* классъ — это созерцательныя или интуитивныя представленія [21]), совокупность которыхъ и образуетъ весь нашъ видимый міръ, все поле нашего опыта [22]), всю нашу непосредственную дѣйствительность [23]). Всякое ощущеніе, испытываемое нашимъ тѣломъ, представляется нашему разсудку, какъ нѣкоторое

---

16) W. W. II, 514.
17) W W. I, 27 (Vierf W § 16); II, 3
18) W W. I, 27 (Vierf W. § 16), II, 6.
19) W. W. I, 2 (V. W. § 2)
20) W. W. I, 27.
21) W. W. I, 28 (V. W. § 17).
22) II, 7.
23) I, 31 (V. W § 19)

дѣйствіе, нѣкоторое *измѣненіе*, которое необходимо должно имѣть свою *причину*: эту причину разсудокъ помѣщаетъ въ опредѣленное мѣсто въ пространствѣ, и такимъ образомъ изъ смутнаго субъективнаго ощущенія получается опредѣленное объективное созерцаніе [24]). Напримѣръ, когда я дотронусь рукой до стола, то въ самомъ ощущеніи, которое я получаю при этомъ, вовсе не заключается представленія о прочной связи всѣхъ частей этой массы; лишь тогда, когда разсудокъ перейдетъ отъ ощущенія къ его причинѣ, онъ строитъ *тѣло* со свойствами твердости, непроницаемости [25]) и т. д. Этотъ переходъ отъ дѣйствія къ причинѣ происходитъ совершенно непроизвольно и непосредственно, безъ помощи какихъ бы то ни было словъ или понятій [26]), и потому одинаковъ у человѣка и животныхъ. Такимъ образомъ, во всякомъ созерцательномъ представленіи, т.-е. во всякомъ опытѣ, уже заключается примѣненіе закона причинности, и, значитъ, самъ законъ причинности, обусловливая опытъ, не зависитъ отъ опыта, т.-е. апріоренъ [27]). Міръ опыта, построенный такимъ способомъ посредствомъ закона причинности изъ ощущеній, измѣняется затѣмъ въ пространствѣ и времени

---

24) W. W. I, 52—53 (V. W. § 21), Ueb d Sehn § 1, 7; II, 13.

25) W. W. 1, 55

26) W. W. II, 13; I, 53.

27) W. W. II, 15; I, 79. Въ *первомъ* изданіи Vierf. Wurz. доказательство апріорности закона причинности было нѣсколько иное, чѣмъ въ послѣдующихъ изданіяхъ Оно любопытно тѣмъ, что относится къ той эпохѣ, когда Шоп признавалъ, кромѣ причинности, и другія категоріи Канта, которыя потомъ онъ отбросилъ *Непо-*

сообразно тому же закону причинности [28]). — Таковъ первый классъ объектовъ и первый видъ закона основанія, общій, какъ мы сказали, и человѣку, и животнымъ. Но у человѣка есть еще особый классъ представленій, отличающій его отъ животныхъ: это—*понятія,* т.-е. не созерцательныя, не наглядныя, а *отвлеченныя* представленія. Человѣкъ разлагаетъ созерцательныя представленія на ихъ составныя части, мыслитъ эти части отдѣльно, собираетъ воедино общіе признаки предметовъ, оставляя въ сторонѣ ихъ индивидуальныя, мѣстныя и временныя различія. Конечно, представленія теряютъ при этомъ свою наглядность, но за то выигрываютъ въ общности, ибо *одно* понятіе можетъ замѣнить неопредѣленное *множество* созерцательныхъ представленій. Всѣ спеціальныя отличія человѣка отъ животныхъ—языкъ, наука, обдуманная дѣятельность,—все это покоится на понятіяхъ [29]). Соединяя или раздѣляя понятія, мы образуемъ *сужденія:* чтобы быть *истиннымъ*, сужденіе должно имѣть *достаточное основаніе* [30]). Это и есть *второй* видъ нашего закона.—*Третій* видъ образуютъ чистыя созерцанія—пространство и время, въ которыхъ расположенъ весь

средственный объектъ строится при помощи этихъ категорій, лишь для того, чтобы перейти къ *посредственнымъ объектамъ,* необходима кат. причинности: *измѣненіе* въ какомъ-нибудь органѣ заставляетъ заключать къ *причинѣ* этого измѣненія, которая и полагается, какъ субстратъ силы.—Это любопытное мѣсто мы взяли у *E. Laas*, Idealismus und Positivismus, III, 530.

28) W. W. I, 53.

29) W. W. I (V. W.) §§ 26—27, II, (W. a. W) § 9.

30) W. W. I, 105 (V. W. § 29).

міръ нашего опыта. Пространство и время обладаютъ тѣмъ свойствомъ, что всѣ ихъ части взаимно опредѣляютъ другъ друга; во времени это—послѣдовательность его отдѣльныхъ моментовъ, въ пространствѣ—положеніе его отдѣльныхъ частей; и это отношеніе ихъ частей непохоже ни на причинную, ни на логическую связь, и потому составляетъ особый видъ закона основанія [31]). — *Четвертый* и послѣдній видъ господствуетъ въ области нашихъ хотѣній и дѣйствій. Наши поступки, какъ и всѣ другія явленія въ природѣ, подчинены закону причинности; они обусловлены *мотивами* и такъ же немыслимы безъ нихъ, какъ движеніе безъ толчка или какой-нибудь другой причины. Но въ мірѣ физическомъ причинная связь извѣстна намъ только съ внѣшней стороны; внутренняя ея сущность остается для насъ скрытой. Иное дѣло—связь нашихъ дѣйствій съ мотивами, ихъ вызывающими. То, что для нашего внѣшняго созерцанія является намъ какъ наше *дѣйствіе*, нашему внутреннему опыту, нашему самосознанію представляется какъ актъ *воли*, какъ *хотѣніе*, и, значитъ, вліяніе мотива познается нами не только съ его внѣшней стороны, подобно дѣйствіямъ другихъ причинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непосредственно, съ внутренней стороны. Этотъ особый *родъ знанія* принуждаетъ выдѣлить наши дѣйствія въ особый классъ объектовъ, въ которомъ господствуетъ и особый видъ закона основанія—именно законъ мотивации [32]).

---

31) W. W. I, 25, 131 (V. W §§ 15, 36). II, § 3.

32) W. W. I, 105 (V. W. § 43).

Таковъ сухой и прозаическій пересказъ основныхъ положеній теоріи знанія Шопенгауера. При всѣхъ многообразныхъ развѣтвленіяхъ законъ основанія *одинъ* въ своемъ корнѣ и выражаетъ лишь зависимость, относительность, непостоянство и конечность объектовъ нашего сознанія [33]). Коренясь лишь въ свойствахъ нашего ума—интеллекта, законъ основанія непримѣнимъ къ вещи въ себѣ, которая свободна отъ него; онъ господствуетъ только въ явленіяхъ этой вещи,—въ мірѣ какъ представленіи [34]). Но и здѣсь, въ мірѣ своего неограниченнаго владычества, онъ же есть начало всякой бренности, призрачности и ничтожества. Кто позналъ полную тождественность содержанія закона основанія при всемъ различіи его видовъ, убѣдится также, до какой степени важно, для прозрѣнія въ его внутреннее существо, познаніе его простѣйшей формы—*времени*. Какъ въ немъ каждое мгновеніе существуетъ лишь поскольку оно истребило предшествующее, своего родителя, чтобы также быстро быть истребленнымъ и въ свою очередь; какъ прошедшее и будущее ничтожны не хуже любаго сна, а настоящее только составляетъ границу между обоими, не имѣющую ни протяженія, ни прочности,—точно также признаемъ мы то же *ничтожество* и во всѣхъ другихъ формахъ закона основанія, и убѣдимся, что подобно времени—и пространство, а подобно ему и все, въ немъ и во времени находящееся,—значитъ, все, проистекающее

---

33) W W. I, 158 (V W. § 52)

34) Ibid.

изъ причинъ и мотивовъ,—имѣетъ лишь относительное существованіе, посредствомъ и *для* другого, ему однороднаго. Сущность такого воззрѣнія стара. Гераклитъ оплакивалъ вѣчный потокъ вещей; Платонъ принизилъ этотъ міръ, какъ только вѣчно бывающее и никогда не сущее; Кантъ противупоставилъ познанное такимъ образомъ, какъ лишь *явленіе*—вещи въ самой себѣ. Наконецъ, стародавняя мудрость индусовъ говоритъ: „это Майя, покрывало обмана, окутывающее очи смертнаго и дающее ему видѣть лишь такой міръ, о которомъ нельзя сказать—ни что онъ существуетъ, ни что онъ не существуетъ; ибо онъ подобенъ сну, подобенъ солнечному блеску на пескѣ, который издали жаждущій путникъ принимаетъ за воду".

Таковъ міръ какъ представленіе, подчиненный закону основанія [35]).

5. Если мы попытаемся сравнить только-что изложенную мною теорію Шопенгауера съ философіей Канта, какъ ее себѣ представлялъ Шопенгауеръ, то окажется, что они совершенно сходны и по содержанію, и по характеру, различаясь развѣ только въ формѣ систематическаго изложенія. Въ самомъ дѣлѣ, законъ причинности сохранилъ свою независимость отъ опыта, участвуя въ образованіи самыхъ простѣйшихъ созерцаній, элементовъ опыта; пространство и время сохранили невредимой свою субъективность, появившись лишь подъ измѣненнымъ названіемъ *закона основанія бы-*

---

[35]) W. W. II, 8—9.

БИБЛІОТЕКА ... АКАДЕМІИ.

тія; всѣ апріорныя формы оказались сведенными къ одной коренной функціи нашего ума, и идеализмъ Канта не только ничего не потерялъ въ идеализмѣ Шопенгауера, но даже выигралъ, благодаря бо́льшей простотѣ, цѣльности и безповоротности [36]). Значитъ, Шопенгауеръ имѣлъ полное основаніе считать себя вѣрнымъ послѣдователемъ великаго, по его словамъ, Канта. И, пожалуй, Шопенгауеръ былъ правъ, но лишь настолько, насколько вообще можетъ быть *правъ* человѣкъ, находящійся въ состояніи *добросовѣстнаго заблужденія*. Дѣло въ томъ, что метафизика нашего философа набросила обманчивое покрывало на его умственныя очи, воля его незамѣтно взяла первенство надъ познаніемъ, и онъ видѣлъ въ Кантовой критикѣ и бралъ изъ нея *только то*, что ему было *нужно*, а *не то*, что составляло *жизненный нервъ* критики Канта. Основною идеей *Критики* было *установить теорію знанія независимо отъ метафизики и психологіи*. Выполнима ли эта идея вообще, провелъ ли ее послѣдовательно самъ Кантъ,—это вопросъ особый; но таковъ фактъ. Не описаніе психологическаго процесса *познаванія* [37]), а изслѣдованіе составныхъ элементовъ *знанія*, его условій и границъ, было задачей Канта; и не могла, по его мысли, метафизика быть судьей въ собственномъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ шелъ вопросъ о самомъ правѣ ея на существованіе. Какъ же отнесся Шопенгауеръ къ *этой* задачѣ своего учителя Канта?

---

36) W. W. I, 81—83.

37) См. разъясн. Канта, въ § 13 (помѣтка 2-го изд.) трансцендентальной дедукціи. Ср. его выраженія объ empirische Psychologie стр. 639 изд. Kehrbach.

6. Я уже говорилъ о теоріи причинности у Шопенгауера. Ощущеніе, бѣдное по содержанію и смутное, разсудокъ перерабатываетъ въ объективное созерцаніе въ пространствѣ и времени посредствомъ своей единственной функціи — причинности; такъ превращаются субъективныя ощущенія въ предметы внѣшняго міра. Но—разъ каждый предметъ отдѣльно уже построенъ посредствомъ закона причинности—спрашивается, что́, *сами* эти *предметы*, или ихъ измѣненія, находятся между собою въ закономѣрной зависимости или нѣтъ,—иначе говоря, есть ли причинность необходимый законъ въ мірѣ нашего опыта? Вѣдь это вопросъ совершенно самостоятельный и не совпадающій съ первымъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ *ощущеній* x, y, z, и т. п. посредствомъ функціи причинности получились *объекты* A, B, C и т. п.: что́, эти A, B, C и весь міръ опыта, состоящій въ ихъ совокупности, подчинены закону причинности или нѣтъ,— и если да, то какъ доказать это? Вѣдь, изъ того, что нашъ разсудокъ всюду будетъ искать причинъ для всѣхъ явленій, совсѣмъ еще не слѣдуетъ, что онъ дѣйствительно найдетъ ихъ; субъективная необходимость нашего мышленія еще нисколько не служитъ доказательствомъ, что ей соотвѣтствуетъ объективная закономѣрность; а если какое-нибудь понятіе или законъ предполагаются притомъ совершенно независимыми отъ опыта, то, конечно, тѣмъ болѣе нуждается въ доказательствѣ ихъ необходимая приложимость къ опыту [37*]). Геній Юма увидалъ загадку тамъ, гдѣ видѣли лишь вѣчную и несо-

---

[37*]) Ср. ниже прим. 52.

мнѣнную истину,—въ законѣ причинности,—и скептическіе вопросы Юма разбудили Канта изъ его догматическаго сна; быть можетъ, на половину Критика чистаго разума выросла изъ попытокъ преодолѣть Юмовскіе вопросы. вся дедукція категорій и прочій сложный механизмъ Критики, весь идеализмъ Канта служитъ отвѣтомъ на эти вопросы. Вся *эта* сторона критики совсѣмъ не существуетъ для Шопенгауера. Онъ считалъ абсурдомъ всякую попытку доказать законъ основанія вообще [38]) и законъ причинности въ частности, какъ будто не замѣчая совершенно особаго положенія закона причинности среди другихъ видовъ закона основанія. Шопенгауеръ высказываетъ даже, что и Кантъ имѣлъ въ виду доказать только апріорность закона причинности, а не его объективно-необходимое значеніе [39]). Вообще для Шопенгауера независимость отъ опыта уже равносильна необходимой приложимости къ опыту [40]). Сообразно съ этимъ даже тамъ, гдѣ сама собою напрашивалась мысль о доказательствѣ причинной связи между явленіями въ предметахъ внѣшняго міра, или, по терминологіи Шопенгауера, въ посредственныхъ объектахъ,—Шопенгауеръ относился къ этому вопросу даже съ нѣкоторымъ простодушіемъ [41]),—для него это было дѣло само собою разумѣющееся. Спрашивается, чѣмъ же должны мы объяснять такое отношеніе Шопенгау-

---

38) V. W, § 14. (W. W. I, 23).

39) V. W., § 14. Ср цѣлый рядъ мѣстъ, гдѣ Apriorität уже обозначаетъ—Allgemeingultigkeit—въ слѣд примѣч.

40) W. W. I. (V. W.), стр. 1, 41, 42, 133. Ср. 89, 43. II, 80—81.

41) W. W. I 53 (V. W.); II, 25.

ера къ коренной проблемѣ теоріи знанія и къ одной изъ важнѣйшихъ задачъ Кантовой философіи? Отвѣтъ простой: метафизика Шопенгауера пробила брешь въ его теоріи знанія, и настоящій причинный процесъ перенесенъ имъ, такъ сказать, въ подземную [42]) область, т. е., вопреки всѣмъ его заявленіямъ, изъ міра явленій въ міръ воли—вплоть до отрицанія необходимости причинной связи въ области опыта. Такое вліяніе метафизики на теорію знанія сказывается уже въ самомъ первомъ трудѣ Шопенгауера и все усиливается по мѣрѣ развитія его философіи.

По Шопенгауеру, *причина* является въ трехъ формахъ: въ формѣ *причины въ тѣсномъ смыслѣ*—въ царствѣ неорганическомъ, *раздраженія* — на низшихъ ступеняхъ органическаго міра и *мотива*—въ мірѣ животномъ. Какая же, значитъ, нужда выдѣлять потомъ одинъ изъ частныхъ случаевъ причинности — мотивъ — въ особое, четвертое, развѣтвленіе закона основанія — законъ мотивации? А вотъ какая: причинность,—пишетъ Шопенгауеръ,—есть связь измѣненій въ физическомъ мірѣ; но внутренняя сторона этой связи остается для насъ тайной; мы видимъ, что такая-то причина съ необходимостью производитъ свое дѣйствіе, но какъ собственно она это дѣлаетъ, что̀ именно происходитъ внутри этого, узнать мы не можемъ; мы приписываемъ эти дѣйствія свойствамъ тѣлъ, силамъ природы; но, вѣдь, все это для насъ скрытыя качества, — qualitates occultae схоластиковъ. Другое дѣло въ области нашихъ мо-

---

42) Его собственное выраженіе.

тивовъ и поступковъ: здѣсь мы стоимъ точно за кулисами и узнаемъ весь секретъ, какъ причина, по внутренней своей сущности, производитъ свое дѣйствіе; отсюда вытекаетъ важное положеніе — *мотивація есть внутренняя сторона причинности* [43]). Иначе говоря: причинность есть только *поводъ* для обнаруженія *силы* въ данное время, въ данномъ мѣстѣ [44]); сила же, по Шопенгауеру, есть ничто иное, какъ воля на извѣстной ступени своей объективаціи.

А если такъ, то, вѣдь, связь причины съ дѣйствіемъ превращается въ чисто-случайную послѣдовательность двухъ явленій, гдѣ одно есть просто *поводъ*, а другое — *результатъ* процесса, скрытаго совсѣмъ въ другой области, и, стало быть, никакой *непосредственной* связи между ними и нѣтъ. Какъ же послѣ этого доказывать необходимость закона причинности, когда всѣ причины превращены въ *случайныя* причины, causes occasionnelles? Да, Кантъ забытъ, и передъ нами стоитъ уже Мальбраншъ. И Шопенгауеръ не отступаетъ передъ этимъ; онъ признаетъ „полную истину и глубокій смыслъ“ въ ученіи Мальбранша [45]) объ окказіональныхъ причинахъ. „Да, Мальбраншъ совершенно правъ, пишетъ онъ [46]). Всякая естественная причина только случайная причина, представляющая только случай, поводъ къ проявленію той единой и нераздѣльной во-

---

[43]) W. W. I, 144—145. (V. W., § 43). W. W. II, 116 — 117, 137, особ. 149—150.

[44]) W. W., I, 45.

[45]) W. W. II, 163.

[46]) Ibid., 164.

ли, которая есть само въ себѣ всѣхъ вещей, и которой постепенной объективацией является весь міръ. Только проступаніе, видимость на такомъ-то мѣстѣ, въ такое-то время, вызывается причиной и въ этомъ отношеніи зависитъ отъ нея, но не цѣлое явленіе, не его внутреннее существо; послѣднее — сама воля, къ которой неприложимъ законъ основанія и которая потому безосновна".

Сдѣлаемъ вмѣстѣ съ Шопенгауеромъ еще одинъ шагъ. Если законъ причинности, — говоритъ Шопенгауеръ [47]), — есть только случайная связь *явленій*, причемъ сущность вещей остается независимою отъ нея, то вполнѣ возможнымъ становится непосредственное воздѣйствіе на міръ явленій изъ внутренняго міра вещи въ себѣ, т.-е. устраненіе причинной связи и закономѣрнаго порядка природы путемъ прямаго вмѣшательства метафизической воли, и, такимъ образомъ, получаетъ свое полное оправданіе *магія*. Съ замѣтнымъ сочувствіемъ къ стародавнимъ вѣрованіямъ пишетъ нашъ философъ [48]): во всѣ времена и во всѣхъ странахъ люди держались мнѣнія, что кромѣ закономѣрнаго способа производить измѣненія въ мірѣ посредствомъ причинной связи между тѣлами, существуетъ еще другой, совершенно различный способъ, который совсѣмъ не основанъ на причинной связи, такъ что и средства, употребляемыя для этого, должны были казаться совершенно нелѣпыми съ обыкновенной точки зрѣнія,

---

47) Я передаю здѣсь мѣсто изъ Ueber den Willen, W. W. IV, 126.
48) W. W IV, 111.

такъ какъ прямо бросалась въ глаза несоразмѣрность между желаемымъ дѣйствіемъ и примѣняемою къ дѣлу причиной. По общепринятому мнѣнію, къ которому присоединяется и Шопенгауеръ, „эта возможность *магическаго* воздѣйствія на природу покоится на предположеніи, что кромѣ физической связи между явленіями этого міра — nexus physicus, — существуетъ еще, такъ сказать, подземное соединеніе, проходящее сквозь сущность вещей — nexus metaphysicus, которымъ и можно пользоваться". Вполнѣ послѣдовательно Шопенгауеръ укоряетъ раціоналистовъ XVIII вѣка за то, что они признавали только естественныя дѣйствія и отрицали сверхъестественныя [49]). Съ своей стороны Шопенгауеръ убѣжденъ, что животный магнетизмъ и симпатическія леченія на опытѣ доказываютъ возможность магическихъ дѣйствій, совершенно противорѣчащихъ физическимъ. Даже болѣе. Шопенгауеръ полагаетъ, что *нельзя и желать лучшаго доказательства его теорій,* чѣмъ животный магнетизмъ, посредствомъ котораго совершаются вещи не только необъяснимыя съ точки зрѣнія закона причинности, но даже *прямо его устраняющія* [50]).

Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, законъ мотивации завелъ Шопенгауера въ дебри современной ему романтической натурфилософіи и магіи; изъ критики Канта мы, очевидно, переселились въ сказки Гофмана [51]).—Я

---

[49]) W. W., IV, 107. [50]) Ibid, 104.

[51]) Указываю изъ всѣхъ современныхъ Шопенгауеру „теоретиковъ" магіи на Е. Т. А. Гофмана, частью потому, что у него теорія магіи развита въ весьма ясныхъ и убѣдительныхъ по-своему формахъ, частью потому, что канва цѣлой массы его разсказовъ, кромѣ са-

остановился на теоріи причинности у Шопенгауера потому, что на ней, быть можетъ, рѣзче всего выступаетъ *одна* сторона различія Канта и Шопенгауера; и я думаю, что всѣ наиболѣе характерныя уклоненія Шопенгауера отъ Канта, какъ-то: отсутствіе мысли о необходимости доказательства закона причинности [52]), выдѣленіе мотиваціи въ самостоятельный видъ закона основанія, окказіонализмъ въ причинности и даже отрицаніе самаго закона,—что все это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что метафизика Шопенгауера повліяла на его пониманіе критики Канта, разрушила ея основаніе и слилась затѣмъ съ нею въ одну пеструю амальгаму [52*]).

мыхъ раннихъ, основана какъ разъ на магическихъ дѣйствіяхъ воли, наконецъ, и потому, что у Гофмана проходитъ всюду весьма *пессимистическій* взглядъ на человѣческую судьбу, которая, съ своими неудовлетворимыми желаніями и погонями, находится сверхъ того подъ постоянною грозой вторженія враждебныхъ силъ, нарушающаго обычный ходъ природы.

52) Кантъ какъ будто заранѣе опровергаетъ въ этомъ пунктѣ Шопенгауера. Ср. Krit. d. r. Vern.. s. 107—108 (Kehrbach); ср также 682—683 ibid.

52*) Другой примѣръ насильственнаго соединенія тенденцій, идущихъ изъ различныхъ источниковъ, представляетъ Шопенгауерова теорія *матеріи*. На ея запутанность указывали очень часто; *гармонизировать* её было-бы трудомъ тщетнымъ и, главное, методологически незаконнымъ; нѣкоторую понятность можно внести сюда только *генетическимъ* объясненіемъ. Теорія матеріи возникала у Шопенгауера постепенно, подъ вліяніемъ различныхъ мотивовъ. Во 1) *матеріи* у Шопенгауера сохранила черты *субстанціи* Канта, какъ *носитель* смѣняющихся состояній тѣлъ (Trager der Zustande, der Veranderungen der Körper). Къ этому понятію матеріи относится доказательство неуничтожимости матеріи въ Vierf. W., § 20, стр. 43 (Beharrlichkeit der Substanz или Sempiternität der Materie).

7. Такъ отнесся Шопенгауеръ къ первой половинѣ проблемы Канта — независимой отъ метафизики теоріи знанія; посмотримъ, какъ онъ отнесся ко второй поло-

---

Далѣе, во 2), когда Шопенгауеръ отбросилъ категоріи Канта, онъ и Кантовскую *субстанцію,* подобно другимъ категоріямъ, свелъ на *причинность,* и матерія стала die blosse Wirksamkeit überhaupt, Kausalität überhaupt, reine Kausalität als solche, objectiv aufgefasst. Къ такому понятію Матеріи относится доказательство ея неуничтожимости въ Vierf. Wurz. § 21, стр. 83. Затѣмъ въ 3) матерія принимаетъ характеръ субстрата, на которомъ проявляются силы-идеи, и изъ за котораго онѣ борятся другъ съ другомъ, причемъ болѣе совершенная побѣждаетъ менѣе совершенную (Kampf der Formen um die Materie)—см. W als Wille, I, стр. 172, 174—175, также 160—162, 182. *Это* понятіе матеріи Шопенгауеръ сближаетъ съ Платоновскимъ (W. als W. I, 252). Наконецъ въ 4) матерія является какъ Sichtbarkeit des Willens, причемъ воля, входя въ формы нашего ума, становится матеріей (W. als W. II, 349). Это 4-е понятіе матеріи, вѣроятно, находится въ связи съ выводомъ существованія *вещи въ себѣ* изъ *объектовъ.* Дѣло въ томъ, что Шопенгауеръ считалъ невозможнымъ свести все *содержаніе* объектовъ, міра какъ представленіе, на одни *формы* пространства, времени, причинности, матеріи; что остается по отвлеченіи формъ, то и указываетъ на вещь въ себѣ (W. als W. I, 142 — 143). Это близко подходитъ къ тому, какъ Шопенгауеръ изображаетъ отношеніе вещи въ себѣ къ матеріи въ W. als W. II, 349. — Сверхъ указанныхъ колебаній, по значенію *матеріи* проходитъ еще второе, перекрестное колебаніе: трудно разобрать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, представляетъ ли матерія только *понятіе,* которое привноситъ (hinzudenkt) нашъ разсудокъ (подобно тому, какъ это было у Канта), или она существуетъ и совершенно *отдѣльно* отъ нашего ума (какъ напримѣръ въ 3-мъ значеніи). Въ началѣ своей философской дѣятельности Шопенгауеръ былъ ближе къ первому, Кантовскому, взгляду, а потомъ постепенно склонялся ко второму, признающему метафизическую реальность матеріи. Въ сочиненіяхъ Шопенгауера, осо-

винѣ. Извѣстно, что Шопенгауеръ постоянно ставитъ Канга рядомъ съ Локкомъ; извѣстно также, что Кантъ постоянно отличаетъ свою задачу отъ Локковой. По Шопенгауеру, Кантъ отправляется отъ обыкновенныхъ данныхъ эмпирическаго сознанія [53]), идетъ путемъ простаго наблюденія и описанія того, что происходитъ въ этомъ сознаніи, и гдѣ уклоняется съ этого пути, тамъ заблуждается. Это справедливо только по отношенію къ Локку, но не къ Канту. Кантъ отличаетъ свою критику отъ психологіи и выразительно указываетъ, что для него главная задача — *оправданіе* знанія, что онъ имѣетъ дѣло съ вопросами *права*, а не съ вопросами *факта* [53*]). У Локка психологическіе интересы занимаютъ вообще очень важное, а методологически даже главное мѣсто; поэтому онъ такъ охотно пользуется для доказательства своихъ теорій примѣрами, взятыми изъ психологіи дѣтей, животныхъ и дикихъ народовъ; его отправный пунктъ дѣйствительно данныя обыкновеннаго сознанія [54]), и методъ его — „простой, историческій", т.-е. описательный. Другое дѣло критика Канта:

бенно въ томъ видѣ, какъ они лежатъ передъ нами теперь, послѣ многократныхъ исправленій въ теченіи 40 лѣтъ, всѣ эти различные, хронологически и логически, оттѣнки слиты въ одну пеструю массу. Сравни ниже конецъ параграфа 7-го и прим. 59-ое.

[53]) Ср. выше прим. 6 — 7, а также W. W. VI, 7 (Par. II, § 5): er geht *vom ganz gemeinen Bewusstsein*, sowohl des eigenen Selbst, als auch der anderen Dinge, aus.

[53*]) См., напр., § 13 (II изд.) „Критики", Von den Principien einer transscendentalen Deduction uberhaupt.

[54]) Ср. его постоянную формулу обращенія къ читателю: I appeal to my reader's own thoughts.

для нея психологическіе интересы принципіально безразличны и, во всякомъ случаѣ, занимаютъ и въ дѣйствительности самое второстепенное мѣсто; его исходная точка—*научное* сознаніе, фактъ науки — математики и „чистаго естествознанія“, возможность единой и закономѣрной системы опыта; его путь—опредѣленій условій возможности науки и закономѣрнаго опыта. Ясно, такимъ образомъ, что уже обычное у Шопенгауера сопоставленіе Канта рядомъ съ Локкомъ указываетъ на значительный наклонъ точки зрѣнія *критики* въ сторону *психологіи*. Въ собственныхъ же теоріяхъ, — въ ученіи о томъ, какъ разсудокъ непроизвольно превращаетъ ощущенія въ созерцанія, въ своей детально разработанной теоріи зрѣнія и т. п. — Шопенгауеръ стоитъ на чисто-психологической почвѣ и въ частностяхъ весьма нерѣдко сходится съ Локкомъ [55]). Отъ Локка онъ вообще отличается развѣ только тѣмъ, что признаетъ субъективность и независимое отъ опыта происхожденіе пространства, времени и причинности. Но *это* различіе, конечно, не принципіальное [55*]).

---

55) Ср , напр., къ Шопенг. теоріи Intellectualität der Anschauung (въ которой Шопенгауеръ видѣлъ свою особенную заслугу) мѣсто въ Essay Локка, II, ch IX, sect. 8 — 10, и примѣръ, который тамъ разобранъ Любопытно также сравн. у Лейбница Nouv. Ess II, ch. IX, ad § 8. Къ теоріи зрѣнія и сужденія въ воспріятіи сравни также Descartes, Méditations, Reponses aux sixièmes objections, IX (стр. 400—410 éd. Simon).

55*) Съ Шопенгауера ведетъ свое начало любопытная группа Кантіанцевъ, превратившихъ критику Канта въ такъ наз., — и довольно мѣтко — Transscendental-*Psychologie*. *Ланге,* какъ извѣстно, принадлежитъ къ этой группѣ, а также рядъ натуралистовъ, напр.

Затѣмъ *психологія* въ свою очередь постепенно уклоняется въ сторону *физіологіи;* познаніе оказывается только практическимъ средствомъ для служенія волѣ, т.-е. для цѣлей самосохраненія и размноженія; какъ вообще воля объективируетъ себя въ организмъ животнаго, такъ и здѣсь она объективируетъ себя въ мозгъ, и формы знанія, т.-е. всѣ эти субъектъ и объектъ, пространство и время, множественность и причинность, оказываются функціями мозга [56]); формы знанія, слѣдовательно, также апріорны, какъ выдѣленіе желчи или пищевареніе [57]). Исконныя симпатіи Шопенгауера къ біологическимъ наукамъ все росли по мѣрѣ того, какъ онъ находилъ въ нихъ подтвержденіе своей теоріи воли. Онъ начинаетъ находить Кантовскую „субъективную" точку зрѣнія одностороннею и полагаетъ, что ее нужно дополнить съ объективной, физіологической стороны; успѣхи физіологіи нервной системы даютъ, по его мнѣнію, возможность сдѣлать это [58*]). И вотъ онъ начинаетъ

Гельмгольцъ. Любопытно, что *такое* толкованіе критики Канта наиболѣе держится въ *популярномъ* пониманіи; такъ что вполнѣ оправданнымъ является мнѣніе многихъ комментаторовъ Канта, что Шопенгауеръ, болѣе другихъ способствовавшій распространенію философіи Канта въ послѣднія десятилѣтія, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всѣхъ другихъ породилъ *искаженныя* представленія о философіи Канта.

56) Наприм., W. W. II, 179; III, 13.

57) W. W. I, 57 (V. W. § 21).

58*) При всѣхъ симпатіяхъ Шопенгауера къ естественнымъ наукамъ, онъ никакъ не можетъ сочувствовать именно ихъ *строгости* и *точности*. Его отношеніе къ нимъ совершенно аналогично съ его отношеніемъ къ Канту: онъ не угадалъ жизненнаго нерва ни въ томъ ни въ другомъ. Шопенгауеръ смѣется надъ „l'expérience et

передѣлывать въ физіологическомъ смыслѣ всѣ основныя понятія Кантовской критики, включая даже синтетическое единство апперцепціи, надъ которымъ онъ когда-то довольно ѣдко посмѣялся. „Чувствительность,—пишетъ онъ,—доходящая въ мозгу до высшей степени, хотя неодинаково распредѣленная по всѣмъ его частямъ, должна, прежде всего, собрать всѣ лучи своей дѣятельности, такъ сказать, сконцентрировать ихъ въ одномъ фокусѣ, который, впрочемъ, падаетъ не во внѣ, какъ въ вогнутыхъ зеркалахъ, а внутрь, какъ въ выпуклыхъ; этою точкой она описываетъ, прежде всего, линію времени, въ которомъ поэтому должно являться все, что она представляетъ себѣ, и которое поэтому есть первая и существенная форма всякаго познанія, или форма внутренняго чувства. Этотъ фокусъ всей дѣятельности мозга и есть то, что Кантъ назвалъ синтетическимъ единствомъ апперцепціи“ [58]).

Такимъ образомъ, Шопенгауеръ незамѣтно, шагъ за шагомъ, перешелъ отъ критики знанія въ область нераздѣльнаго господства какой-то странной физіологіи.—Любопытно, что вся исторія этой постепенной перестановки точекъ зрѣнія Шопенгауера замѣчательно на-

---

le calcul“ французскихъ физиковъ; въ этомъ пренебреженіи къ *точнымъ методамъ* естествознанія и превознесеніи „геніальнаго“ воззрѣнія на природу Шопенгауеръ совершенно шелъ по пятамъ романтической натурфилософіи своего времени, и за своимъ кумиромъ—Гете. Гёте же, какъ весьма убѣдительно доказываетъ Дю-Буа-Реймонъ (Reden, I Folge, 1886; стр. 430—439), вредно повліялъ на все современное ему поколѣніе натуралистовъ своимъ авторитетнымъ пренебреженіемъ къ научной строгости.—Что касается Шопенгауера, то онъ, къ счастію для себя, не имѣлъ своего *Оскара Шмидта*, какъ Гартманъ. [58]) W. W. III, 314.

глядно отразилась на одномъ терминѣ у Шопенгауера, именно на словѣ для обозначенія познавательной способности. Сначала Шопенгауеръ употребляетъ раздѣльно Кантовскіе термины Verstand, Vernunft и т. п., затѣмъ онъ объединяетъ ихъ въ одинъ Intellect, потомъ начинаетъ писать Intellect и ставить въ скобкахъ Gehirn; далѣе Gehirn и въ скобкахъ Intellect, и, наконецъ, пишетъ просто Gehirn—признакъ, что всѣ слѣды Канта исчезли Конечно, все это совершилось не сразу, а въ теченіе долгаго времени; но замѣчательно, что Шопенгауеръ съ характернымъ для него упрямствомъ всю свою жизнь былъ убѣжденъ, что развиваетъ одну и ту же мысль, и потому постоянно вносилъ въ свои сочиненія позднѣйшія вставки, амальгамируя такимъ способомъ самыя разнородныя понятія и теоріи [59])

8. Я показалъ, какой видъ приняла у Шопенгауера Кантовская проблема *критики знанія*, независимой отъ метафизики и психологіи. Шопенгауеръ превратилъ ее въ метафизику и физіологію, или, проще, въ *исти-*

---

59) Это одинъ изъ многихъ примѣровъ того, въ какомъ субъективномъ заблужденіи относительно своихъ теорій находился Шопенгауеръ; въ этомъ случаѣ даже его famulus Фрауэнштедтъ долженъ былъ согласиться, что позднѣйшія теоріи Шопенгауера во многомъ противорѣчатъ раннимъ. Другой любопытный примѣръ заключается въ слѣдующемъ· Шопенгауеръ убѣдительно проситъ читателя прочесть всѣ его сочиненія, увѣряя, что онъ не Vielschreiber, и говоритъ только самое необходимое. На дѣлѣ же никто, быть можетъ, кромѣ Локка, не повторяется такъ часто, какъ Шопенгауеръ, и при всѣхъ блестящихъ литературныхъ достоинствахъ его сочиненій, перечитать ихъ *всѣ* — задача очень утомительная и, въ сущности, безполезная.

физическую физіологію. Сдѣлаемъ еще одинъ, *послѣдній* шагъ—посмотримъ во что превратилось у Шопенгауера Кантовское *рѣшеніе* проблемы, именно *идеализмъ* Канта.

Извѣстно, что Шопенгауеръ не считалъ возможнымъ дойти до сущности вещей, отправляясь отъ объектовъ; лишь путемъ самосознанія и аналогіи онъ открываетъ, что эта сущность—воля [60]). Извѣстно также, что почти всѣ критики Шопенгауера считаютъ такой путь самосознанія и аналогіи незаконнымъ съ точки зрѣнія логики; извѣстно, наконецъ, что Шопенгауеръ попадаетъ въ безвыходныя противорѣчія между своею метафизикой и своею теоріей знанія, своимъ реализмомъ и своимъ идеализмомъ; противорѣчіе это сознавалъ и Шопенгауеръ настолько ясно, что придумалъ для него своеобразное извиненіе. онъ возвелъ его въ необходимую антиномію человѣческаго разума [61]).—Для насъ въ данномъ случаѣ интересны не сами эти противорѣчія, а то, какіе мотивы заставили Шопенгауера принять самую, повидимому, неудобную для него теорію знанія, — идеализмъ Канта, который отрѣзывалъ всякій

---

60) Шопенгауеръ считалъ этотъ свой методъ въ метафизикѣ совершенно *новымъ*, и видѣлъ въ немъ свое величайшее открытіе На дѣлѣ Шопенгауеру принадлежитъ лишь честь (если только въ данномъ случаѣ это честь) возвести въ достоинство *метода* давнишнее бозотчетное обыкновеніе. Пониманіе *силы* природы по аналогіи съ *человѣческой волей* (разумѣется безъ весьма многихъ свойствъ, открываемыхъ въ волѣ самосознаніемъ) совершенно сходно, напр., съ Лейбницевымъ пониманіемъ *монадъ-силъ* по аналогіи съ *человѣческой душой* (съ такимъ же исключеніемъ въ нужныхъ случаяхъ нѣкоторыхъ признаковъ человѣческой души). Ср., напр., Leibniz, De la nature en elle même, etc. § 10, стр. 560 (ed Janet); Système nouveau de la nature, § 3, стр. 527—528. 61) W. W., II. 36.

путь къ вещи въ себѣ. Но оказывается, что Шопенгауеръ цѣнилъ въ идеализмѣ Канта совсѣмъ не то, что въ немъ цѣнилъ самъ Кантъ.

Для *Канта* его идеализмъ имѣлъ значеніе *положительное и теоретическое*; онъ былъ средствомъ положить философскія основанія *научному* знанію: чтобы доказать объективно-необходимую приложимость математики и такъ называемаго имъ „чистаго естествознанія“ къ міру опыта, Кантъ призналъ идеальность и апріорность пространства и времени, категорій и основоположеній. Для *Шопенгауера*, наоборотъ, идеализмъ имѣлъ значеніе *отрицательное и этическое*: онъ былъ средствомъ объявить призрачность и ничтожество міра какъ представленіе и доказать возможность его устраненія. Конечно, чѣмъ призрачнѣе съ метафизической стороны былъ этотъ міръ, тѣмъ легче была этическая задача его устраненія; и здѣсь теоріи Канта, конечно, должны были показаться Шопенгауеру самыми радикальными, ибо въ нихъ, по его мнѣнію, даже такія, повидимому, непоколебимыя реальности, какъ время, пространство и причинность, были объявлены субъективными фантомами.

Сообразно съ разницей основныхъ мотивовъ, *Кантъ* всѣми силами старается доказать, что міръ явленій совсѣмъ не безсвязная толкотня призраковъ, вовсе не сонъ [62]). *Шопенгауеръ* неустанно повторяетъ, что жизнь есть сонъ.

Для *Канта* центръ тяжести лежитъ въ мірѣ явленій; для *Шопенгауера*—вещи въ себѣ [63]). Потому-то Шопен-

[62]) См. Krit d. r. Vern., стр. 124 (Kehrbach.).

[63]) Кантъ противополагаетъ *вещь въ себѣ* и *явленіе* съ точки зрѣнія

гауеръ и отождествляетъ Кантовскую вещь въ себѣ съ Платоновскими идеями, хотя что же общаго между яркими, какъ солнце, *идеями* Платона и Ding an sich Канта, которое, какъ ночное привидѣніе, боязливо ютится только въ самыхъ темныхъ уголкахъ Кантовской „критики“?

Наконецъ, для *Канта* этотъ міръ опыта есть единое и закономѣрное цѣлое, предметъ всеобщей и необходимой науки. По *Шопенгауеру*, слѣпая воля создаетъ себѣ этотъ міръ для служенія себѣ, вмѣшивается въ его порядокъ и можетъ въ случаѣ нужды совсѣмъ уничтожить его; это—фонарь, который зажигаетъ себѣ воля въ потемкахъ и который она можетъ погасить, когда захочетъ.

9. Надѣюсь, теперь ясно, что у Шопенгауера, вопреки его словамъ, Кантъ является далеко не въ чистомъ видѣ, а въ сплавѣ съ самыми разнохарактерными и неожиданными примѣсями; и нѣтъ сомнѣнія, что если бы Кантъ дожилъ до Шопенгауера, такъ, какъ дожилъ до Фихте, онъ такъ же отрекся бы отъ Шопенгауера, какъ отрекся отъ Фихте Но, говоря объ отношеніи Шопенгауера къ Канту, я совсѣмъ не имѣю въ виду произносить этимъ сужденіе о сравнительномъ философскомъ достоинствѣ ихъ теорій; если я сужу Шопенгауера, такъ только его собственными словами. Я желаю только установить историческое *преемство* идей и указать для Шопенгауера его историческое *мѣсто*.

теоріи знанія, Шопенгауеръ — съ *метафизической* точки зрѣнія. Отсюда и различіе въ относительной цѣнности, которую тотъ и другой придаютъ *вещи въ себѣ* и *явленію*.

И здѣсь, во-первыхъ, что̀ страннаго въ томъ, что система Шопенгауера есть самая капризная смѣсь самыхъ разнообразныхъ теченій мысли, не поддающаяся никакой логической гармонизаціи? Развѣ можно уложить все богатство историческаго развитія философіи въ рамки однообразнаго, непрерывнаго, послѣдовательнаго *логическаго* размышленія? Развѣ не представляютъ Платонъ, Бэконъ, Спиноза, Лейбницъ, Кантъ— лучшихъ образцовъ *синкретизма* самыхъ разнорѣчивыхъ вѣрованій и убѣжденій? Развѣ не укоряетъ самъ Шопенгауеръ Канта въ томъ, что онъ не былъ свободенъ отъ узъ Вольфовской догматики и традиціоннаго христіанства?

И здѣсь, во-вторыхъ, мы относимъ Шопенгауера къ одной исторической группѣ съ другими эпигонами Канта. Шопенгауеръ, конечно, былъ бы очень недоволенъ такою постановкой его рядомъ съ tribus impostoribus, по его выраженію, Фихте, Шеллингомъ и Гегелемъ. Но прошло время, и за могилами должна исчезнуть старая непріязнь; въ *томъ* мірѣ, въ пантеонѣ исторіи, бывшіе враги могутъ примириться и занять равныя и одинаково почетныя мѣста, ибо такія-же мѣста занимали они и въ *этомъ* мірѣ, когда прошлое для насъ— было ихъ настоящее.

Вся философская Германія признаетъ теперь заслуги *отверженца* Шопенгауера чествованіемъ его юбилея; этимъ символомъ исторія какъ бы *принимаетъ* его въ свое лоно. Отдадимте же его *исторіи*.

В. Преображенскій.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.